

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 8

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2022

Бранко Тошович
(Университет имени Карла и Франца в Граце, Австрия)

МЕТАСТИЛИСТИКА И МЕТАПОЭТИКА ЮЖНОСЛАВИИ (1970–2020)

Статья представляет собой обзор исследований южнославянской метастилистики (науки о поэтике) и метапоэтики (науки о поэтике) за последние пять десятилетий. Термин *Южнославия* обозначает географический ареал южнославянских стран (Боснии и Герцеговины, Болгарии, Черногории, Хорватии, Словении и Сербии) и представляет собой более широкое пространство по отношению к бывшей Югославии (государственному союзу федеративного характера, распавшемуся в 1992 г.). Синтез состоит из двух частей. Первый охватывает три процесса: интрадисциплинарную консолидацию, терминологическую дифференциацию и внутрикатегориальную детерминацию. Во второй говорится о социально-политических обстоятельствах, в которых развивались названные дисциплины и о (мета)стилистических и (мета)поэтических направлениях, в той или иной степени повлиявших на исследования южнославянских авторов. Особое внимание уделено новшествам, внесенным в категориальный, понятийный и терминологический аппарат.

Ключевые слова: метастилистика, метапоэтика, стилистика, поэтика, стиль, лингвостилистика, литературная стилистика, лингвистика, Южнославия, Босния и Герцеговина, Болгария, Македония, Словения, Сербия, Хорватия, Черногория, 1970–2020.

Branko Tosovic
(University of Graz, Austria)

METASTYLISTICS AND METAPOETICS OF SOUTHERN SLAVS (1970–2020)

The paper is a synthesis of research on southern Slavs metastylistics (science of poetics) and metapoetics (subjects of science of poetics) in the last five decades conducted by 13 authors from 7 countries in the period from 2020 to 2022. The synthesis consists of two parts. The first points to three important processes: intradisciplinary consolidation, terminological differentiation, and intracategorical determination. The second discusses the socio-political circumstances in which the mentioned disciplines developed, as well as the (meta)stylistic and (meta)poetic directions that influenced, more or less, the research of Southern Slavs experts. Special attention is paid to the novelties that have been introduced into the categorical, conceptual and terminological apparatus of metastylistics and metapoetics. The synthesis is based on the analyses of all authors within the Southern Slavs block of this monograph.

Key words: metastylistics, metapoetics, stylistics, style, linguostylistics, literary stylistics, linguistics, Southern Slavia, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Croatia, Macedonia, Montenegro, Slovenia, Serbia, 1970–2020

1. Процессы

1. Южнославянская наука о стилистике и поэтике (особенно некоторые их области, дисциплины и направления) конца XX – начала XXI века характеризуются тремя процессами – внутридисциплинарной консолидацией, терминологической дифференциацией и внутрикатегориальной детерминацией. Консолидация проявляется в том, что тщательно обоснованные в течение XX века исследования позволили окончательно стабилизировать стилистику и поэтику как научные дисциплины – метастилистику и метапоэтику. Дифференциация проявляется в том, что наступил момент терминологического размежевания того, что не дифференцировалось или не могло быть разделено, а чего требовала современная ситуация. Детерминация состоит в том, что благодаря успешной консолидации возникла необходимость уточнения понятийно-категориального аппарата. Хотя XX век был стилистически неспокойным, а во второй его половине с элементами кризиса из-за смены исследовательских парадигм, попыток подавления стилистики как научного направления и экспансионистских тенденций (скорее спонтанного, чем организованного характера) возникающих направлений (таких как дискурсивная лингвистика), период с 1970-х гг. по 2020 г. можно считать консолидацией южнославянской стилистики. Помимо консолидации, другой важной детерминантой данного периода является дифференциация. Когда стилистика и поэтика как науки окрепли и приспособились к новой технологической революции, особенно революции, принесенной интернетом, пришло время уточнить и разграничить некоторые важные понятия для того, чтобы навести порядок в теории и практике. На иерархической вершине находилось то, что подлежало дифференциации и детерминации, а именно предмет изучения и дисциплина, изучающая этот предмет, так как они обозначаются одним и тем же термином: *стилистика*, то есть *поэтика*. В этот период оказалось, что настало время (1) первичной дифференциации – различения предмета исследования и изучающей его дисциплины, а именно: (а) стилистики как объекта анализа и стилистики как научной области, (б) поэти-

ки как объекта анализа и поэтики как научной области. Эти термины были двусмысленными и подразумевали противоречивые категориальные понятия. В науке нежелательна терминологическая двусмысленность, поэтому она стремится к тому, чтобы термины, где это возможно, функционировали однозначно. Такая двусмысленность наименований нейтрализуется (1) введением названия для дисциплины *метастилистика* (наука о стилистике или стилистология) и *метапоэтика* (наука о поэтике или *поэтикология*) и (2) использованием терминов *стилистика* и *поэтика* лишь для номинации предметов исследования: таких как (а) стиль, стилистическая единица, стилема, стилевой / стилистический прием, стилистическое значение, стилистическая категория, стилевой / стилистический прием, (б) поэтическая / художественная структура текста, поэтонома (базовая единица поэтики), поэтомема (мотив, тема поэтики), поэтический/художественный прием, художественное время, художественное пространство и др.¹ Таким образом, метастилистика (стилистология) представляет собой научную дисциплину, изучающую стилистику (стилистическую/стилистическую структуру) и все ее аспекты. Метапоэтика (поэтология) – научная дисциплина, изучающая поэтику (структуру художественного текста во всех ее аспектах). Исследования в период с 1970 по 2020 гг. также указали на необходимость проведения (2) вторичной дифференциации выделением (а) в рамках **метастилистики (стилистологии)** *стилологии* (науки о стиле), *стилематики* (науки о стилемах, т. е. о стилистических единицах),² *стилонимии* (науки о номинационных аспектах в стилистике), *лингвостилологии* (лингвистической

¹ Одну из попыток систематизации понятий в литературе предпринял Александр Флакет (Flaker 1986). Он считал, что старые литературно-исторические термины, обремененные другой методологией, неудовлетворительны и что следует найти новые (Flaker/Škreb 1986: 14).

² В южнославянской стилистике Крунослав Пранич [Krunoslav Pranjić] активно использует термин *стилематика*, под которым он понимает часть стилистики, занимающуюся стилемами (стилистическими/стилистическими единицами) – Pranjić 1968, 1991, 2011.

стилологии – науки о самых различных стилях), *литературоведческой стилологии* (наука о стиле художественного текста), *стилометрии* (науки о статистическом измерении стилистических единиц) и (б) в рамках **метапоэтики (поэतिकологии)** поэтологии (науки о внутренней поэтике), поэтономии (науки о восприятии художественной структуры), поэтоматики (науки о поэтамах, поэтических темах – поэтических единицах), макропоэтики, микропоэтики, лингвопоэтологии (лингвистической поэтологии) и литературной поэтологии (науки о художественном тексте) и (3) третичной дифференциации путем различения литературной метастилистики и метапоэтики. Таким образом, общую стилономимическую систему составляют один гипероним: *метастилистика* (стилистика) и три гипонима: *стилология*, *стилистика*, *стилематика*, а поэтономимическую систему – один гиперпероним: *метапоэтика* (*поэтология*) и три гипонима: *поэтология*, *поэтоматика*, *поэтономия*.

Такие разграничения представляются особенно целесообразными и продуктивными при анализе, в котором рассматривается одновременно развитие дисциплины и развитие ее объекта исследования, как это имеет место при трактовке полувекового периода в истории южнославянской метастилистики и метапоэтики (1970–2020 гг.), поскольку использование в одном и том же тексте идентичного названия для дисциплины и для предмета этой дисциплины усложняет понимание, чего (терминологической двусмысленности) можно избежать путем использования упомянутых понятий. Представляется целесообразным, чтобы термин *поэтика* перестал обозначать науку о поэтике, и чтобы в качестве названия дисциплины, изучающей поэтику, использовалась *метапоэтика*, т. е. чтобы *поэтика* относилась только к предмету своего изучения (создание, формирование и функционирование поэтической структуры). Иными словами, кажется необходимым, чтобы термин *поэтика* перестал быть названием науки о поэтике, и чтобы как название дисциплины, изучающей поэтику, использовалась *метапоэтика*. Следовательно поэтика относилась бы только к предмету изучения

(создание, формирование и функционирование поэтической структуры).³ Благодаря такому разграничению поэтика возвратилась бы к своему первоначальному значению (*ars poetica*), она очистилась бы от отложений, накопившихся веками на фундаментальном, исконном слое, освободилась бы от значения дисциплины и относилась бы только к предмету исследования, следовательно, *поэтика* была бы предмет и *метапоэтика* – наука об изучении этого предмета. *Поэтика* бы представляла собой внутреннюю организацию художественного текста во всех его аспектах

³ Под поэтологией некоторые подразумевают научную поэтику и общую теорию поэзии. Термин *поэтология* появилась в сербском литературоведении не ранее 80-х и 90-х годов XX в., хотя в западной науке она использовалась с 60-х годов (в основном как синоним *поэтики*), но до сих пор поэтология как отдельная дисциплина не прижилась, так как она не имеет своего строго определенного, разграниченного с поэтикой места, поэтому, как и поэтика, употребляется иногда в узком смысле, а иногда и в более широком. В немецкой науке о литературе с 80-х годов XX в. *поэтология* является одним из наиболее часто употребляемых терминов, обычно как синоним *поэтики* и для названий различных учений о поэтическом искусстве. В русской науке под *поэतिकологией* понимают поэтику отдельных поэтов (имеется в виду исследование Светланы Федотовой и А. А. Житенева). Станиша Тутневич предложил различать *поэтику* и *поэтологию*: «[...] кажется, что то, что относится к организации литературного текста, можно было бы назвать более узким термином *поэтическое исследование*, в то время как более широкий термин *поэтологическое исследование* охватывал бы всю полноту создания, структурирования и функционирования литературного произведения» (Tutnjević 2007: 37). Тутневич указывает на то, что в литературной практике *поэтология* оставалась незамеченной, хотя и использовалась спорадически. В основном речь шла о синонимическом употреблении *поэтика* – *поэтология*, то есть о спонтанности использования форм *поэтика* / *поэтологическое*, неструктурированности или о концептуальных импровизациях и небрежностях (Tutnjević 2007: 24). Этот термин встречается в работах ряда современных авторов, таких как: Милан Радулович 1998, Драгиша Живкович 1999, Радомир В. Иванович 2000, Никола Стипчевич 2000, Радован Вучкович 2000, Младен Шукало 2002.

с конечной суммой единиц (то, что автором закодировано, что не может быть изменено посторонним перекодированием в форме сужения или увеличения), а *метапоэтика* – с бесконечной суммой единиц (то, что декодируется, так как в поэтике, во внутренней организации художественного текста, в каждое новое время обнаруживается в восприятии и интерпретации что-то особое, художественный текст вечно предлагает новшества, которые не обязательно закодированы автором). *Поэтика* бы состояла из *интрапоэтики* (внутренней, структурной, имманентной), *экстрапоэтики* (поэтики автора, поэтики читателя и т. д.), *имплицитной поэтики*, *эксплицитной поэтики*, *поэтономии*⁴ (восприятие, прочтение, расшифровка художественной структуры конкретного произведения, писателя, направления, эпохи, национальной литературы, непр., поэтономия читателя, реципиента, наблюдателя...), *поэтонимии* (наименование того, что входит в поэтику), *поэтоматики* (анализ поэтоном). Есть еще *парапоэтика* – исследование, имеющее в названии слово *поэтика*, но по существу оно больше или исключительно касается более широкой литературной интерпретации, имеющей мало общего с собственно (в узком смысле) метапоэтикой. В этой системе могут найти свое место и другие термины, которые упоминаются и употребляются в литературе: *метапоэтология*, *поэтропия*, *poietika*, *poiesis* и др.

2. Предложения о разграничении дисциплины и ее предмета высказывались в анализируемый период с различных сторон. Например, Виктор Жмегач [Viktor Žmegač] (1929–2022) исходит из двойкой трактовки поэтики: как (а) предмета («систематически проводимый дискурс о логических и стилистических особенностях литературного творчества, сформулированный с намерением быть нормативно-порождающей директивой, индивидуальной проекцией, например, в форме программы или манифеста») и (б) дисциплины – литературно-теоретическое описание (Žmegač 1988: 19). Анте Стамач [Ante Stamač] (1939–2016) описывает при помощи противоположных пар

⁴ Термин *поэтономия* используется в философии как синоним для *метапоэтологии*.

разницу между поэтикой, основанной на отдельном литературном произведении, и поэтикой, занимающейся изучением общих законов, по которым создается литература. Внутренняя поэтика навязывалась Франьо Грчевичу [Frano Grčević] (1923–2009) как рабочий и гипотетический литературно-теоретический метод, связанный с конкретной исследовательской ситуацией автора (Grčević 1981). Автор исходит из понимания произведения как структуры, как замкнутого и законченного языкового выражения. Такую поэтику можно было бы, по его мнению, назвать поэтикой произведения или поэтикой текста, чтобы ее отличать от рассмотрения биографий, внешних влияний, социальных обстоятельств, творческого генезиса и т. д., которые можно было бы объединить вокруг условного литературоведческого теоретического понятия внешней поэтики (Грчевич 1981: 331).⁵ О поэтике внутреннего говорит Milatović 1980.

3. В рассматриваемый период *поэтику* постигла участь стиля и дискурса – она настолько широко использовалась для обозначения различных понятий (иногда ею называли все, что охватывает художественный текст), что стала терять свой терминологический характер. И как в случае с (а) функциональным стилем необходимо было противодействовать механическому употреблению этого термина для всего относящегося к стилю, так необходимо было сопротивляться стремлениям, которые вели к растеканию (б) термина *поэтика* и превращению его в модное слово, теряющее свою подлинность, свою «самобытность», в то время как нужно было стремиться сохранить его исконное, имманентное, автохтонное значение. Сущность поэтики заключается в художественном оформлении литературных фактов, таких, в первую очередь, как художественный мотив, композиция, художественный образ,

⁵ Грчевич утверждает, что методы имманентной интерпретации, внутреннего анализа, стилистической критики и т. д. исходят из полной автономии литературного творчества. Автор указывает на то, что сосредоточенность на отдельном произведении является общей чертой всех направлений стилистической критики (Grčević 1981: 331).

художественное оформление пространства и времени.⁶

Хотя лингвистика, литературная стилистика и поэтика имеют много совпадений и сходств (все три дисциплины подразумевают, так или иначе, художественный, образный, экспрессивно-выразительный способ повествования), в ряде элементов и аспектов они существенно различаются. Лингвостилистика отличается от поэтики тем, что изучает языковые средства, при помощи которых создается выразительность, образность, разнообразие и другие признаки художественного текста, а от литературной стилистики своей направленностью на другие функциональные стили (публицистический, научный, официально-деловой, разговорный), причем литературно-художественный стиль изучается обеими дисциплинами: лингвистической стилистикой – с точки зрения экспрессивности и выразительности языкового строя, а литературной стилистикой с точки зрения литературных жанров, типов, периодов и индивидуальной реализации. Литературная стилистика имеет своим предметом стиль во всех его экспрессивных и экспрессивных измерениях (стиль автора, стиль героя, стиль эпохи, стиль периода, стиль направления и т. д.). Поэтика ориентирована на художественное оформление поэтических частей / аспектов художественного текста. Литературная стилистика исходит из художественного текста как стилистического явления, а поэтика – из художественного текста как художественной сущности (художественного замысла и структуры). В фундаментальный треугольник: поэтика – литературная стилистика – лингвистическая стилистика вклиниваются (а) другие близкие или родственные области, такие как риторика, эстетика, семиотика и (б) вне филологии: теория информации (изучение качества и количества эстетической информации), кибернетика (наука об общих законах управления, получения и передачи

информации), философия (особенно герменевтика), логика, психология, математика (в первую очередь, математическая поэтика).

4. В период с 1970 по 2020 гг. была подчеркнута актуальность и других форм категориальной дифференциации. Например, Новица Петкович [Novica Petković] (1941–2008) писал о необходимости разграничения поэтики и лингвистики (Petković 1972: 38). Он констатировал, что развитие взаимоотношений языкознания и поэтики идет в направлении парадоксальной ситуации, в которой обе дисциплины все больше указывают на необходимость взаимного размежевания, но в то же время их методы сближаются. В интерпретации функциональной дифференциации языка подчеркивается строгое различие между стилем и функциональным стилем (Tošović, 1988, 2002).

5. На стилистику с 1970 по 2020 гг. в Южнославии большое влияние оказали стилистические направления, школы, методы и течения (а) того периода, (б) времени после Второй мировой войны, (в) первой половины XX в. и конца XIX в.

Решающий поворот был сделан (1) отказом от позитивистского толкования литературного произведения (обращавшего внимание прежде всего на личность автора, социальные обстоятельства и т. п.) и психологизма, (2) постановкой произведения и его имманентной структуры в центр интересов, (3) рассмотрением текста как замкнутой структуры прежде всего русскими формалистами, сторонниками Пражского лингвистического кружка, Московского лингвистического круга и Тартуско-Московской семиотической школы. Что касается лингвистических, литературно-стилистических и поэтических течений, то период с 1970 по 2020 гг. в Южнославии ознаменовался тремя основными новшествами. Если начало, середина и конец 80-х годов XX века прошли под знаком становления и развития функциональной стилистики, то в начале, середине и конце 90-х годов XX столетия коммуникация все больше перемещалась из офлайн-пространства в онлайн-пространство, что побуждало метастилистику все больше ориентироваться на онлайн-творчество, в результате чего зародилась интернет-стилистика, занимающаяся

⁶ Предметом поэтики должны быть, скажем, не психологическая природа, характер и поведение персонажей, таких как Мустафа Мадьяр, Аника, Алия Джержелез (если в качестве примера возьмем только героев Иво Андрича), а художественный способ их изображения.

экспрессивными, выразительными и функциональными особенностями письменных и устных текстов, функционирование которых было связано исключительно с интернетом как их эксклюзивным пространством существования. Во втором десятилетии XX в. искусственный интеллект достиг такого уровня развития, что мог порождать стилистически разнообразные осмысленные тексты (а прошло с начала широкой компьютеризации и интернетизации всего тридцать лет). Это привело к созданию новой стилистической дисциплины – генераторной стилистики (названной по механизму автоматического порождения текстов – генератору, в некоторых случаях автоматом, роботом, алгоритмом и т. д.).

6. Метастилистическая терминология настолько расширилась, что в рамках стилонимии (занимающейся номинацией стилистических явлений и имеющей в качестве базовой единицы стилониму) навязывалось различие стилонемы (единицы стилистики) и стилемы (единицы стиля; этот термин использовался в этот период некоторыми специалистами из Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении и Сербии для обозначения основной или любой единицы стилистики). В южнославянской стилонимии данного периода не произошло видимого сдвига в лексикографической систематизации терминологии, так как не было изданий, подобных изданиям на более широком славянском ареале, какими, например, являются словари стилистической терминологии.⁷ Исключение составляет *Rječnik stilskih figura* [Словарь стилистических фигур] Крешимира Багича [Krešimir Bagić, 1962–] (Bagić, 2012). В области поэтонимии дело обстоит лучше благодаря наличию словарей более широкого типа, некоторые из которых представляют собой переводы.⁸

⁷ Таких, как (а) метастилистические словари (Никитина/Васильева 1996), (б) метапоэтические словари (Ильин 2001, Квятковский 2000), (в) стилистические словари (Абрамов 1996, Горбачевич 2002, Иванова 2004, Кронгауз 2016, Мокиенко/Никитина 1998, Нефедова 2001, Павлович 1999, Хайдарова 2012) и т. п.

⁸ Živković 1992, Popović 2007, Babić 2012, Jovanov 1999, Princ 2011, Taritaš 1993.

2. Течения

7. По отношению ко времени и общественно-политическим событиям стилистика Южнославии развивалась с 1970 по 2020 гг. двумя (по сути тремя) потоками. Первый имел преемственность, на которую существенно не повлияли события, турбулентность и, тем более, переломы в обществе, такие как исчезновение блокового деления Европы в 90-е годы XX века (болгарская метастилика и метапоэтика). Второй состоит из двух частей. В одной произошел распад единого государства (Югославии), который не оказал радикального влияния на стилистико-поэтический уровень (македонская метастилика и метапоэтика), в то время как во второй – на штокавской территории⁹ формировались три периода: время до распада Югославии (1970–1990), период распада (1991–1996) и фаза после распада (1997–2020), имевшее экстремальные последствия, связанные (а) с развалом общего государства, (б) с войной с 1991 по 1996 гг., в которую были вовлечены Босния и Герцеговина, Черногория, Хорватия и Сербия и (в) с социолингвистическими изменениями, при котором *сербскохорватский язык* перестал существовать как единый стандарт, в результате чего хорваты и сербы официально вернули названия *хорватский язык* и *сербский язык*, боснийцы провозгласили в 1991 г. *боснийский язык* (который иногда на хорватской и сербской сторонах стал называть *боснийским*), а позже (2007 г.) правительство Черногории предприняло то же самое, объявив *черногорский язык* официальным, что вызвало отталкивающую реакцию другой части черногорского населения, которая считала, что существует только сербский язык. Помимо сложных условий для научно-исследовательской работы, радикальная общественно-политическая дивергенция в 90-е годы привела к тому, что общение между лингвистами, стилистами и литературоведами вновь созданных государств Боснии и Герцеговины, Черногории, Хорватии, Македонии, Сло-

⁹ Она охватывает пространство языков, основанных на штокавском диалекте: боснийский / боснийский, черногорский, хорватский, сербский в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии и Черногории.

вении, Сербии (бывших республик Югославии) прекратилось, сократилось или было сведено к минимуму. Они все реже собирались на научных мероприятиях (преимущественно мононациональных), а в научных публикациях цитировали друг друга значительно реже или вообще никак, все больше замыкались в рамки новопровозглашенных государств, в противоположность предыдущему периоду. В результате процессов распада исследования все меньше и меньше фокусировались на область бывшей Югославии (крупнейшей балканской страны) и все больше на Южнославиию (территорию на юге и юго-востоке Европы со славянским населением). Ежегодная библиография журнала *Южнославянский филолог* [*Južnoslovenski filolog*], десятилетиями охватывавшая всю югославскую территорию и всегда имевшая раздел по стилистике, постепенно сокращалась до уровня сербскоязычного ареала, что также отрицательно сказывалось на обмене информацией о новых работах по языкознанию, стилистике и поэтике. Национальные метастилистики и метапоэтики все более и более „бетонировались“ в свою почву, закреплялись в своих региональных рамках, что имело отрицательный эффект, поскольку и бывшая Югославия была небольшой научной территорией. Эта слабость была значительно смягчена коренным изменением в середине анализируемого периода (90-е годы XX в.), масштабной компьютеризацией, а затем, еще более радикально, интернетом, нарушавшим межнациональные и межгосударственные, иногда искусственно созданные, границы, что позволяло в какой-то степени следить за развитием метастилистики и метапоэтики, с одной стороны, и поэтики и стилистики, с другой, на некогда общем языковом и стилистико-поэтическом пространстве. В то время только некоторые научные мероприятия за пределами югославской территории (главным образом в Австрии и Польше) давали возможность прямого научного диалога и обмена информацией. Этому особенно способствовало несколько многонациональных научных проектов за рубежом (например, в Граце проект по тождеству, сходству и различию между штокавскими языками, проекты по Андричу, Чопичу и др.).

В этот период в рамках смены стилистических парадигм развивалась и южнославянская метастилистика. Хотя структурализм утратил свою силу и влияние в конце 60-х гг., он все же оставался одним из лидеров в интерпретации стилистических и поэтических явлений на южнославянской территории. Этому особенно способствовала деятельность по представлению ведущих структуралистских течений с 1970 по 1990 гг., таких как чешский структурализм и русский формализм, затем семиотических течений, особенно во Франции, Советском Союзе и Чехословакии. В южнославянскую метастилистику и метапоэтику проникала (где-то больше, где-то меньше) междисциплинарность, их переполняли идеи, методы, понятия и категории кибернетики, теории информации, математики и семиотики.

Если в лингвистической метастилистике Южнославии структурализм представлял собой то, что в большей степени характеризовало данный период, то южнославянская метапоэтика претерпела значительные изменения с появлением модернизма после Второй мировой войны, затем постструктурализма в 60-70-е годы и постмодернизма в 80-е и 90-е годы XX в. Эти тенденции меньше отразились в метастилистике (на изучение и интерпретацию стилистических явлений) и гораздо больше в стилистике литературных произведений, создававшихся в то время (самый яркий пример – Милорад Павич [1929–2009] и так называемый сербский «сигнализм»).

В данный период метастилистика подвергалась удару со стороны лингвистики текста (меньше) и дискурсологии (больше), поэтому дисциплина, веками называемая стилистикой, должна была доказывать оправданность своего существования и бороться за свое исконное исследовательское пространство, которое ей принадлежало столетиями. Появились и негативные тенденции, которые мы характеризуем как (а) антистилистику (работы и взгляды контрпродуктивные для стилистики, наносившие ей, по сути, ущерб), (б) контрастилистику, проявляющуюся в попытках отнять у стилистики объект исследования, более или менее целенаправленно или спонтанно ее

подавлять, чему немало способствовали некоторые стилисты, которые механически, почти автоматически стали подменять стилистические понятия (такие, как стиль) нестилистическими (такими, как дискурс), поэтому недаром начали говорить о кризисе стилистики и (в) псевдостилистику с публикациями, имевшими в названии *стилистику*, *стиль* и т. д. а по сути являющимися далекими от настоящей стилистики (Tošović 2012). К счастью, становилась обновленная, модернизированная стилистика (неостилика), которая нашла способ как противостоять антистилистике, контрастилистике и псевдостилистике, сохранив исходный объект исследования (стиль, экспрессивность и экспрессивность...) и ориентировавшись к изучению радикальных изменений в обществе, вызванных появлением интернета.

В одной части южнославянской стилистики – в Словении под влиянием западных интерпретаций были проблематизированы три теории о том, что стиль – это украшение, отклонение от нормы и выбор. Однако в данной критической оценке не было предложено ничего нового, что заменило бы критерии украшения, отклонения от нормы или выбора.

Южнославянская стилистика и поэтика в 90-е годы XX в. постепенно перемещались из офлайн-пространства в онлайн-пространство (лингвостилистическая продукция все больше уходила из реального пространства в виртуальное, что мало-помалу превращало метастилистику и метапоэтику в онлайн-дисциплины),¹⁰ особенно созданием нового стилистического направления – интернет-стилистики и первыми намеками на появление особо инновационного направления – стилистики искусственного интеллекта (генераторной стилистики). Южнославянская метастилистика обрела новые измерения: более широкое виртуальное (Сеть, интернет) и более узкое – гипертекстовое, чатовское, эмалевое... Самое крупное событие в южнославянской стилистике, имеющее большой

эхо в славянском мире и шире, это, безусловно выход нового типа романа – *Hazarski rečnik* [Хазарский словарь] (1984) Милорада Павича. Но это знаменательное событие не имело столь сильного метастилистического отголоска, как поэтико-стилистического.

8. Были новшества и в южнославянской стилонимии. Появились новые категории, были созданы новые понятия и термины.

(а) Один из них – *стилистическая формация* [stilska formacija], под которым Александр Флакер (1924–2010) понимал исторически сложившееся стилистическое единство.¹¹ Термин возник как аналог социальной формации для смысловой разрядки понятия «стиль» и для того, чтобы отделить его от понятий «направление» и «метод», поскольку стилистическая формация не тождественна направлению (осмысленным литературно-историческим тенденциям в отдельных национальных литературах). Стилистические формации охватывают большие надындивидуальные и литературно-исторические целостности, образуя их на основе стилистической интерпретации родственных литературных произведений, а не на основе программного самоопределения в рамках отдельных течений или школ. Если речь идет о более низкой степени структурного родства, реализуемого только в пределах одного литературного жанра или только в определенных литературных стилях, то говорят о *стилистических группах* [stilske grupe] (Živković 1992: 816). Похожий, на первый взгляд, термин предложил Зденко Шкроб (1904–1985) – *стилистический комплекс* [stilski kompleks], который также представляет собой периодизационное понятие, но он создан для обозначения особых связей между языковыми и стилистическими микроструктурами и самыми широкими историко-стилистическими категориями, такими как барокко, классицизм, романтизм и др. Бранко Тошович [Branko Tošović] (1949–) ввел термин *функционально-стилистический комплекс* [funkcionalnostilski kompleks] для обозначения

¹⁰ Возникли новые литературно-поэтические области, такие как виртуальная литература (Gordić-Petković, 2004), интернет-литература (Saračević, 2017), сетевая, чатовая, электронная литература (Tošović, 2015, 2018).

¹¹ Он впервые употребил этот термин в журнале *Umjetnost riječi* [Искусство слова] (1958, № 2), но развил и конкретизировал его в книге *Stilske formacije* [Стилистические формации] (Flaker 1986).

стилей, обладающих характеристиками двух или более функциональных стилей (Тошович 1988).

(б) Крунослав Пранич [Krunoslav Pranjić] (1931–2015) внес больше всех вклад в (1) укрепление термина *стилема* [*stilem / stylem / štylem*] в южнославянском стилистическом ареале, возникшего в рамках чехословацкой стилистической школы (Я. Мистрик), и (1) в употребление его производных *стилематичность* [*stilematičnost*] и *стилогенность* [*stilogenost*].¹² Франо Чале [Frano Čale] (1927–1993) включил *стилема* в название своей монографии *Od stilema do stila* [От стилемы к стилю] (1973 г.), а Милорад Чорац [Milorad Čorac] (1923–1996) *лингвостилему* [*lingvostilem*] в название книги *Metaforski lingvostilemi* [Метафорические лингвостилемы] (1982 г.) и использовал его во «Введении», но во всех последующих заголовках глав (без, по понятным причинам, «Заключения») нет корня **лингв-**: «Фоностилемы» (с. 51–80), «Морфостилемы» (91–122), «Лексикостилемы» (123–157), «Синтактостилемы» (159–445). То, что автор решил ввести в название книги *лингвостилему*, а в анализе говорить о *стилеме*, то есть использовать оба термина параллельно, можно объяснить желанием указать на то, что речь идет о стилеме в одной научной области – языкознании, так как стилема используется и в других областях.¹³ Термин *лингвостилема* [*lingvostilem*] может быть полезен для междисциплинарных интерпретаций стилистических единиц в языке, с одной стороны, и в отдельных видах искусства и деятельности (литературе, музыке, живописи, скульптуре, архитектуре, моде и др.), особенно при ана-

лизе соответствующих стилей, с другой. По этим причинам *лингвостилема* М. Чораца не является плеоназмом, особенно учитывая тот факт, что каждый автор очень тщательно выбирает, что вставить в заглавие, и хорошо заботится о вреде нежелательной избыточности.

(в) Йоже Топоришич (Jože Toporišič), как и другие словенские исследователи, активно использует термин *zvrst* (Toporišič 1992, 2000), который в сербском / хорватском языке соответствует слову *vrsta* (хотя эта лексема существует и в словенском), а в русском – *разновидность*. Существительное *zvrstnost* и прилагательное *zvrstni*, образованные от *zvrst*, очень активно употребляются в словенской метастилистике.

(г) На уровне актуализации, о котором больше всего говорят чехословацкие авторы и русские формалисты, южнославянская метастилистика внесла дихотомическую новизну, разграничив актуализацию и актуализм: актуализация порождает актуализм (Korošec 1998: 16).

(е) Введение термина *интегральная стилистика* некоторыми сербскими авторами представляет собой то, чем в общей стилистике является стилистика языка и стилистика речи вместе взятые (как то, что относится и к системе, и к ее реализации). Проблема этого термина в том, что одни исследователи имеют в виду объединение стилистики языка и стилистики речи (возможности и реализации), другие – «стилогенность» и «стилематичность», а третьи – стилистику языка и литературную стилистику. В первом случае речь идет о неделимой общей стилистике, во втором – о системе стилистических элементов и их реализации, в третьем – об интеграции языковой стилистики и литературной стилистики, что по сути дела является лингвопоэтикой. Поскольку никаких других инноваций, кроме терминологической новизны, не предлагается, такой подход вряд ли можно назвать новой стилистической теорией, а скорее попыткой трактовать стилистику как неразрывное целое (но, к сожалению, в нескольких значениях).

Следуя стилистическим и поэтическим течениям в мире, южнославянские стилисты и теоретики поэтики перенимали их катего-

¹² Йозеф Мистрик [Jozef Mistrík] (1921–2000) в своей книге *Štilistika* (1997: 31) пишет: «Pojem štýléma se po prvý raz v slovenskej štylistike uplatnil a vysvetlil v práci J. Mistríka *Jazikovo-intonáčné prostriedky recitátora* (Bratislava, 1967)». Стилема была подробно проанализирована Любицей Йосич [Ljubica Josić] (2014: 85–102).

¹³ Например, в кинесемiotике под *стилемой* понимается знак или группа знаков (типа элементов кадра или монтажной фазы) как характеристика художественного, документального, авторского и других «кинематографических стилей» (в кинесемiotике жанрово-изобразительная онирическая *стилема* противостоит лингвистическому термину *стиль*).

риальный аппарат и применяли их термины в конкретных исследованиях. Среди них выделяются: *затрудненная форма, заумный язык, отстранение, (дез)автоматизация, художественный прием* (русские формалисты, Виктор Шкловский), *эффект обманутого ожидания, стилема* (Й. Мистрик), *горизонт ожидания* (Ганс Роберт Яус), *хронотон* (М. Бахтин), *эмфатичность* (Э. Тихнер), *стилистический контекст, стилистическая доминанта, энтропия* (Клод Шанон), *гетеротопия* (Михаэль Фуко), *топофобия, топофилия, пограничный топос, внимательное чтение, категория смещения, архетип* (Карл Густав Юнг, Нотроп Фрай), *смысловой вакуум, точка зрения* (Борис Успенский), *точка написания, стилистический сдвиг, стиль как отклонение от нормы* (генеративная стилистика), *художественная реинкарнация, первичные и вторичные знаковые (моделирующие) системы* (Юрий Лотман), *гибкая стабильность* (чехословацкая стилистика), *направленность высказывания, избыточность, экономия, информация, выразительность, экспрессивность, выразительность, образность, метафоричность, кодовое переключение, отклонение от нормы, выбор* и др.

9. В этот период в южнославянском ареале появляются новые виды стилистических изысканий. Кроме уже сложившихся, таких как идиостилистика (индивидуальная, генетическая стилистика), ресурсная стилистика (стилистика языковых уровней), стилистика языка и стилистика речи, литературоведческая стилистика, получил развитие ряд направлений, в основном под влиянием других школ, таких как чехословацкая, советская, французская и т. д. С 1970 по 1990 гг. в Южнославии явно господствовала функциональная стилистика. А во второй период (с 1990 по 2020 гг.) ни один другой вид метастилистики не приобрел такой широты и размаха, как функциональная стилистика. Одновременно ни одно из новых стилистических направлений не проявило такой силы, чтобы вытеснить функциональную стилистику, особенно из образовательного процесса. Одна из причин заключается в том, что у них отсутствует столь цельный системный характер (функциональная стилистика охватывает все языковые уровни и все стили),

они не включает в себя все основные стилистические явления (такие как языковая дивергенция, экспрессивность, выбор, отступление и т. д.), внутриязыковую структуру и экстралингвистические факторы, которые функциональной стилистике позволили полностью закрепиться в исследованиях, а также в преподавании в средних школах и в вузах. С 80-х годов происходит усиление исследований в области лингвистики текста, что выразилось в появлении значительного числа работ в области стилистики текста. С 90-х годов того же века теория дискурса проявила сильную экспансию и стала одним из доминирующих лингвистических направлений, оказавшую как положительное, так и отрицательное влияние на стилистику: (а) положительное, потому что появилось новое направление – стилистика дискурса, которое указало на то, что стилистика должна более основательно заниматься, прежде всего, экстралингвистическими факторами (хотя это подчеркивалось с момента основания функциональной стилистики и особенно выдвигалось в пермской стилистической школе), (б) отрицательное, потому что не один исследователь стилистики, чтобы быть в тренде, чтобы находиться в духе модного движения, стал механически заменять базовые стилистические термины (прежде всего, *функциональный стиль*) нестилистическими (прежде всего, *дискурсом*). Простой экспериментальной заменой нестилистического термина на стилистический можно сделать вывод о том, что во многих случаях никакой разницы в их значении и в смысле не возникло. Проблема еще более усугубляется тем, что функциональный стиль является четко определенным термином, а дискурс имеет столь много значений, что авторы часто чувствуют необходимость в самом начале анализа объяснить, что они подразумевают под этим термином. В работах, пытавшихся совместить функциональный стиль и дискурсивный подход, неоднократно возникала путаница в отношении того, что такое функциональный стиль и что такое дискурс. В связи с этим одни стилисты настаивали на том, что дискурс и стиль не являются тождественным понятием и что их следует строго разграничивать. Другие продолжали

механически использовать тот и другой термин как синонимы, даже в одном и том же тексте, вызывая путаницу на категориальном и междисциплинарном уровне. В конце первого десятилетия XXI века когнитивная стилистика укрепилась под влиянием интенсивного развития когнитивной лингвистики. И семиотическая стилистика также набирала обороты благодаря сильному развитию семиотики во второй половине XX века. В то время интернет-стилистика приобрела значение в связи с резким переходом большей части коммуникации из реального пространства в виртуальное (интернет), что потянуло за собой и стилистику, поэтому она все больше превращалась из офлайн-стилистики в онлайн-стилистику. В конце второго десятилетия XXI века произошло еще одно важное явление и изменение: искусственный интеллект развился настолько, что смог создавать осмысленные и полезные тексты из всех функциональных стилей, что привело одного южнославянского автора к созданию нового стилистического направления – генераторной стилистики (свое имя она получила от генераторов, автоматически порождаемых текст и называемых также алгоритмами, механизмами, роботами и т. д.), которая занимается стилистическим материалом, генерируемым не живым человеком, а искусственным интеллектом. Среди течений, появившихся в южнославянском пространстве в последнее время, можно выделить феминистическую (феминистскую стилистику), развивавшуюся под влиянием анализов женского языка и стиля, «женского» письма и т. п. Возникают некоторые течения в видах деятельности, которые существовали давно, но до сих пор не дали особой стилистической дисциплины (судебная стилистика). Были попытки подчеркнуть неоправданность механического отделения стилистики языка от стилистики речи, стилистики языка от стилистики литературной (интегральная стилистика). Под влиянием медиалингвистики предлагается создать медиастилистику (как дисциплину, изучающую стилистику новых медиа), «имманентическую» стилистику и др. Относительно индивидуальной приверженности к определенным видам стилистического иссле-

дования можно выделить несколько групп южнославянских авторов. Одни остались привязанными к выбранному направлению, другие пытались придерживаться того метода анализа, который господствовал до тех пор, но и склонялись к новым течениям, третьи отказывались от прежнего пути исследования и переключались на актуальное, конъюнктурное, перспективное, модное направление, четвертые стали только в этот период заниматься стилистикой и вписываться в веяния того времени, пятые „кочевали“ из одного направления в другое (скажем, начали с функционально-стилистического, перешли к дискурсивному, а затем к когнитивному, медиальностилистическому...), по нескольким причинам: они чувствовали, что то или иное направление не их, что оно не для них, что оно не дает ожидаемых результатов, что оно устарело и т. д.), не могли найти себя ни в каком направлении, поэтому постоянно искали что-то новое.

3. Параллели

10. Наиболее широкие и плодотворные исследования лингвистической стилистики, литературной стилистики и поэтики в Боснии и Герцеговине проходили в рамках так называемой Сараевской стилистической школы (ССШ), которая создавалась не на основе какой-либо программы и манифеста, а как ориентация в рамках одного городского пространства и в одно время. В ней можно выделить несколько направлений: метапоэтическое, лингвометапоэтическое, лингвометастилистическое и функционалистическое. В 90-е годы XX в. ССШ превратилась большей частью в три совершенно обособленных поэтико-стилистических течения с ярко выраженной национальной окраской: боснийское, хорватское и сербское. Во время и после войны (1992–1996) в Баня-Луке, Би-Хаче, Мостаре, Тузле и Зенице начали формироваться новые течения в лингвистической метастилистике, литературной метастилистике и метапоэтике. В лингвистических и стилистических исследованиях, проводимых на территории Республики Сербской, можно наблюдать значительные изменения. В последние годы ее стилистика привлекает все больше молодых исследователей, что

подтверждается ростом числа кандидатских и докторских диссертаций, посвященных этой области.

Болгарские исследователи приложили большие усилия для того, чтобы как можно больше, глубже и качественнее исследовать стилистические проблемы, особенно в области функциональной стратификации и стилистики ресурсов, причем все еще нет достаточно исследований на фонетическом и графическом уровне. Некоторые специфические интернет-жанры (такие как чат, форум, твиттер) обсуждаются в отдельных публикациях, но нет явно формировавшейся части интернет-стилистики. Все это открывает новые перспективы для болгарской стилистической науки.

Сравнение лингвостилистических исследований в Черногории с разработками в других частях Южнославии показывает, что эта страна количественно отстает в некоторых областях, а больше всего в создании учебников и пособий. Языкознание Черногории имеет свой фундамент в старых исследованиях и свое продолжение в новых областях. Разработанный инструментарий представляет собой хорошую основу для объединения современных мировых, европейских и славянских исследований стиля и стилистических проблем.

Путь развития стилистики в рамках хорватской филологии отражает судьбу этой научной дисциплины с момента ее становления в конце XIX века. Выросшая из предписывающих рамок традиционной риторики, эта дисциплина претерпела многочисленные преобразования в Хорватии в течение XX в. Она не только удержалась на филологической сцене, но и нашла в себе силы интегрировать интересы классических филологических дисциплин и обогатить их связями с многочисленными аспектами языковой и культурной реальности, неотделимыми от человеческих выразительных практик. Институционализация стилистики как научной дисциплины совпадает с появлением и развитием Загребской стилистической школы в 50-е годы XX в., представленной, прежде всего, такими именами как Зденко Шкроб, Иво Франгеш, Александр Флакер, Виктор Жмегач и Крунослав Пранич. В последнее

время все чаще говорят о стилистической школе двух городов – Риеки и Осиека.

Начало македонских лингвистических и стилистических исследований связано, прежде всего, с изучением языка, стиля и литературы проводимых ученым широкими интересами – Блаже Конески (1921–1993). Македонские исследования идут в двух параллельных направлениях: с одной стороны, изучается язык и стиль отдельных авторов, македонской народной поэзии и прозы, а с другой, проводится анализ различных сфер социальной коммуникации (в первую очередь СМИ). Македонская лингвистика была особенно ориентирована на функциональные стили. Многочисленные названия работ варьируют от лексикологии, с одной стороны, до грамматики, с другой. Модернизация исследований наблюдается в последнее десятилетие, особенно под влиянием интернет-коммуникации, интернет-лингвистики и интернет-стилистики.

В период с 1970 по 2020 гг. словенская метастилистика и метапоэтика выявили несколько особенностей, по которым они являются узнаваемыми. Первой спецификой является введение термина *zvrst* [zvɾst], который в одном случае имеет значение формы глобального языкового расслоения, в другом – стиля, в третьем – функционального стиля. Вторая особенность заключается в том, что в Словении в большей степени, чем в других словенских языках, наблюдается поляризация в интерпретации выбора как основного стилистического критерия: с одной стороны, есть лингвисты-стилисты (например, Я. Топоришич), которые утверждали, что там, где нет выбора, нет ни выбора, ни стиля, с другой некоторые литературоведы (например, М. Юван), опираясь на зарубежных авторов, считают выбор спорным критерием. Третье своеобразие заключается в том, что словенская метастилистика – одна из немногих в южнославянском ареале, в которой активно используется термин *слог* (для обозначения идиостиля). Четвертая особенность касается активного вовлечения молодых в метастилистические исследования: ни одна такая маленькая страна не выпускала в учебном процессе столько диссертаций (семинарских, дипломных, магистерских и докторских).

Период с 70-х годов 20-го века до наших дней представляет собой период бурного развития сербского языкознания, прервавшего нормативно-стилистическое течение. Сегодня можно говорить о своеобразной экспансии работ с стилистической тематикой в этой стране. В современной сербской метастилистике рассматривались различные вопросы: лингвистическая стилистика (в более узком смысле), общая стилистика, функциональная стилистика, генетическая (поэтическая) стилистика, текстовая стилистика, а в последнее время – стилистика дискурса и т. д. В большинстве лингвистических работ господствовали структуралистские идеи – прежде всего идеи Ш. Балли, пражских филологов и русской лингвистической школы, и лишь изредка наблюдается влияние других направлений, например математической или когнитивной лингвистики. Наблюдаются интересные разработки в семиотической стилистике, в анализе текста и дискурса, а также в изучении интернета. В литературной метастилистике и метапоэтике основное внимание уделяется интерпретации базовых стилистических понятий и выделению некоторых видов метапоэтического анализа. Одной из отправных точек в сербской метастилистике дан-

ного периода является определение термина *литературная стилистика*. Второе важное разграничение касается литературной стилистики и поэтики. В последней поэтика сна, поэтика мифа, нереальное и воображаемое выступают как господствующие. Выделяются работы по поэтике пространства, крипоэтике, поэтике самоубийства, поэтике постмодернизма, исторической поэтике и др. Особое место занимают имманентная поэтика, эксплицитная поэтика, имплицитная поэтика, автопоэтика и индивидуальная поэтика. В сербской метапоэтике часто рассматривалась идеопоэтика (индивидуальная поэтика) отдельных писателей (прозаиков, поэтов, драматургов). Следить за мировыми тенденциями в литературной стилистике и метапоэтике во многом помогала интенсивная переводческая деятельность.

Существуют различия в подходах отдельных национальных сред. Например, бошняцкая метастилика и метапоэтика с 90-х годов XX в. приобрели заметно ориенталистский оттенок, а в сербских и хорватских подчеркивалось национальное наследие. В бошняцкой метапоэтике преобладает поэтика памяти, а в сербской – поэтика сна и мифа.

Литература¹⁴

1. Aleksić M. D. Bogdan Popović i srpska književnost: doktorska disertacija. – Beograd: Filološki fakultet, 2013. – 395 s.
2. Babić D. Školski rečnik književnih termina. – Beograd: BIGZ, 2012. – 271 s.
3. Bagić K. Rječnik stilskih figura. – Zagreb: Školska knjiga, 2012. – 356 s.
4. Čale F. Od stilema do stila. – Zagreb: Nakladni zavod Matice Hrvatske. 1973. – 259 s.
5. Ćorac M. Metaforski lingvostilemi. – Beograd: Privredno-finansijski zavod, 1982. – 475 s.
6. Flaker A. Stilske formacije. – Zagreb: SNL, 1986. – 359 s.
7. Gordić-Petković V. Virtuelna književnost. – Beograd: Zavod za izdavanje udžbenike i nastavna sredstva, 2004. – 154 s.
8. Josić L. Mikrostilistika Umjetnosti riječi: jezikoslovna razradba koncepta stilema // Studia lexikographica. – Zagreb: 2011. God. 5 (2011), br. 2 (9). – S. 85–102.
9. Korošec T. Stilistika slovenskega poročevalstva, 1998. – Ljubljana: Kmečki glas. – 381 s.
10. Mistrík J. Štilistika. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1997. – 600 s.

¹⁴ Из-за ограниченного места и в целях экономии в список литературы включены как правило только работы со ссылкой на автора, год и страницу (например, Petrović 1980: 5), а опущены работы, цитируемые без указания страницы (например, Petrović 1985).

11. Petković. Artikulacija pesme II. – Sarajevo: Svjetlost, 1972. – 236 s.
12. Pranjić K. Jezik i književno djelo: Ogledi za lingvostilističku analizu književnih tekstova. – Zagreb: Školska knjiga, 1968. – 197 s.
13. Pranjić K. Jezik i stil Matoševe pripovjedačke proze. – Zagreb: Rad JAZU, Odjel za suvremenu književnost, 1971. – S. 29–194 s.
14. Pranjić K. Jezikom i stilom kroza književnost. – Zagreb: Školska knjiga, 1991. – 265 s.
15. Saračević N. Internet-književnost: Književni tekstovi u hipermedijalnom diskursu. – Sarajevo: University Press, 2017. – 123 s.
16. Stamać A. Naziv poetika // Umjetnost riječi. – Zagreb: 1982. Br. 1–2.
17. Škreb Z. Stil i stilski kompleksi // Flaker, Aleksandar, Škreb, Zdenko. Stilovi i razdoblja. – Zagreb: Matica hrvatska. 1964. – S. 131–148.
18. Taritaš M. Rječnik književne interpretacije. – Zagreb: Matica hrvatska. 993²: – 234 s.
19. Toporišič J. Enciklopedija slovenskega jezika. – Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992. – 384 s.
20. Toporišič J. Slovenska slovnica. Maribor: Založba Obzorja, 2004.– 923 s.
21. Tošović B. Funkcionalni stilovi. – Beograd: Beogradska knjiga, 2002. – 574 s.
22. Tošović B. Funkcionalni stilovi. – Sarajevo: Svjetlost, 1988. – 312 s
23. Tutnjević S. O pojmovima poetika i poetologija // Tutnjević Stanislav. Poetička i poetološka istraživanja. – Beograd: Institut za književnost i umetnost, 2007. – S. 9–37.
24. Živković D. (gl. i odg. urednik). Rečnik književnih termina. – Beograd: Nolit, 1992². – 950 s.
25. Абрамов Н. (сост.). Полный словарь русских рифм. Словарь русских синонимов. – Москва: Терра – Книжная лавка – РТГ, 1996. – 336 с.
26. Васильева Н. В., Никитина С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: Принципы составления и избранные словарные статьи. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – 171 с.
27. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: Норинт, 2002. – 224 с.
28. Григорьев В. П. (отв. ред). Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1: А – В. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 896 с.
29. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). – М.: АСТ, Астрель, Русские словари, Транзиткнига, 2004. – 666 с.
30. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) – Intrada, 2001. – 384 с.
31. Квятковский А. П. Школьный поэтический словарь. – М.: Дрофа. 2000². – 464 с.
32. Кронгауз М. А. (под ред.). Словарь языка интернета.ru. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.
33. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
34. Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. – М.: Издательство Московского университета, 2001. – 144 с.
35. Павлович Н. Словарь поэтических образов. На материале русской художественной литературы XVIII–XX вв. В двух томах. – М.: Едиториал УРСС, 1999. Т. 1. – 795 с. Т. 2. – 872 с.
36. Тошович Б. Стилистика – антистилика – контрстилика – неостилика // Стилистика сегодня и завтра: Материалы конференции. Часть 1. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 217–225.
37. Тошович Б. Интернет-стилистика: монография. – М.: Флинта – Наука, 2015. – 238 с.
38. Тошович Б. Структура интернет-стилистики: монография. – Москва: Флинта – Наука, 2018. – 492 с.
39. Хайдарова В. Ф. Краткий словарь интернет-языка. – М.: Флинта, 2012. – 319 с.